

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Антропологическая империя*

Обновление мира и человека

История есть перманентное обновление мира и человека.

Разговоры о постсовременности, постиндустриальном или информационном обществе, конфликте цивилизаций, конце истории, плоском или подвижном мире – попытки опознания сути переживаемого транзита, его сшитая на живую нитку формализация. Токи универсализма и персонализма, миграции народов расплавляют арматуру политических наций, «мировой пожар» охватывает территориальные, отраслевые, профессиональные институты/организованности, обжигая огнем бытия.

Обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами социокультурный капитал – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за место под солнцем в динамичной конфигурации XXI века.

* Статья написана на основе бесед и презентаций в клубе «Красная площадь»: «Воздушный лик земли (мир как сумма взаимодействий)», «Господа хаоса (антропологическая трансформация)», «Кризис будущего (сценарии и маршруты)».

Проблема современной России — в остром дефиците энергии культуры, что чревато нешуточными пертурбациями. «Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности — социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими» (Александр Сокуров).

К тому же культурный капитал — сложнообъемлемый актив, требующий не только настойчивых и умных усилий, но также времени для полноценного созревания.

Коллизии трансформации могут разрешаться двумя способами (в основе которых архетип фетуса и ритуал перехода) — охранительным и преадаптивным. Будущее все же за системами опережающего развития — преадаптивными методами освоения приоткрывающихся пространств, а не превентивными, хотя порою эффективными, механизмами поддержания *status quo*. Устремленность к идеалу порождает будущее.

Искусность, как и искусственность, проявляется в мастерстве и артистичности, которые имеют малое отношение к наблюдаемой действительности. Источник огранки мира не природа, а люди. Энергетика перфекта востребована в антропогенных, творимых человеком аспектах бытия, стремлении к воплощению идеала. Мы изменяем кривизну мира в соответствии с жадной преобразования и невнятные, но властными импульсами, пребывая в конфликте с собственным естеством.

Прежний мир развоплощается, обитатели утрачивают привычный статус, инструменты усложняются, функции персонализируются, трескается

скорлупа обезличенных институтов. Восстание масс, растворяясь в индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье соборная Ойкумена подвергается трансгрессии и вивисекции со стороны разрушительного разнообразия варваров Севера и Юга.

В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты — мировые регулирующие органы, страны-системы, геоэкономические комплексы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, зна-

Александр Сокуров (на фото):

«Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности — социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими».

ниевые организмы, рожденные цивилизацией, облакаются в подвижные оболочки — суммы взаимодействий, — реализуемые все чаще неформальным и частным образом.

Новое мироустройство изменяет прописи практики. В XXI веке страны уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации — нации с все более подвижной и все менее определенной геометрией присутствия: корпоративные и социокультурные интегрии, люди, чьи родовые гнезда превращаются в терминалы вселенского театра действий. Глобальная революция — грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете складывается полифоничная среда, формируется подвижное и многоликое общество. Человек, отягощенный про-

шлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, подзабыв, что текст искрится, мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав — плод внутренних и внешних усилий.

Эпоха негеографических открытий

Метанойя — преимущество первопроходцев и оружие колонизаторов. В незнакомые края вслед за путешественниками и миссионерами шли авантюристы и мародеры, солдаты и предприниматели, перекати-поле и поэты в душе. Колониализм начинался в Европе, сегодня он возвращается в ее неспокойные земли. За последнее время в мире слишком многое изменилось, что создает проблемы для признанных членов мирового общества. Планета напоми-

нает испеченный с обилием специй пышный и слоистый пирог, в котором отдельные персонажи занимают сразу несколько этажей. Перемены — синкопы тектоники, они отчетливо ощутимы в землях практики, чья телесность предопределена ценами на кровь, сырье, урожаи, но мы не создаем глубины перемен: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» (Антон Чехов).

Реконкиста антропологической вселенной проходит по конкурирующим версиям ее обустройства. Проецируя противоречивые замыслы на листы футур-исторического трактата, конкуренты пересложняют его содержание. В наслаивающихся интервенциях запутывается интрига, меняется маршрут, некоторые линии повествования — в актуальной (*updated*) версии, — не выдерживая конкуренции, выпадают из сюжета. Преобразуясь в маргиналии, они удерживаются, однако, в ранге интерполяций на маршевом плацу цивилизации, эпизодами-эскадронами рассыпаясь по брусчатке читаемого *online* текста.

Прорастающие в трещинах семена иного провоцируют дестабилизацию, последняя — деконструкцию или революцию. И потенциально — деструкцию, творческую либо тотальную.

Освоение и передел виртуальных ландшафтов напоминает борьбу за очертания земных территорий, однако географическое измерение утрачивает прежнее значение — в данном регистре новых суверенов интересуют ареалы природных ресурсов и маршруты транспортировки. Контуры же грядущего мира, стереометрия его зыбких границ определяются не столько в категориях широты и долготы, сколько в единицах мощи и

влияния, а также качеством населения, номенклатурой актуальных благ, темпами перемен. И главное — степень присутствия в правовых, финансовых, цифровых, языковых, когнитивных галактиках. Меняется роль различного рода корпораций и неформальных организаций, нематериальных капиталов, обретаемых подчас за счет материальных активов, что приводит на ум ситуацию из шахматной партии: жертву фигуры за качество. Как результат — геополитика замещается геоэкономикой и геокультурой, а они, вместе взятые, — контролем над смысловой инфраструктурой цивилизации, траекторией и динамикой социального времени. Обмен ценностей высшего регистра на сокровища низшего — неэквивалентная затея, ведущая к профанации достигнутого и превращению субъекта в инструмент.

Стратегия глобальной перестройки — это, конечно, не сумма оперативно-тактических комбинаций, пусть масштабных и результативных. Дело не в объемах перемещаемых средств и не в эффективных, но не относящихся к сути процесса следствиях. В стратегических играх важен мотив сражения и формат целеполагания: тут доминирует либо устремленность к удачному приобретению, либо преобразование среды в заданном направлении.

Арсенал политической персоны, решившейся осваивать зыбкие земли, включает признанную на данном «марсовом поле» субъектность, персональное представление будущего, способность воплощать его, верша суд и реализуя вердикт. Право — грамматика процесса и семантика миропорядка. Мировидение определяет постулаты практики, это нить Ариадны для времени, сшивающего по своей мерке

распоротый вестфальский камзол. Нынешнее обустройство общежития — постиндустриальный передел, борьба за аксиологию и гегемонию, за ключевые позиции в физической и виртуальной инфраструктуре: сетях и струнах эпохи перемен.

Это вселенская битва за человека, его грядущий статус, за некий золотой камертон — контроль над всплывающими из вод истории островами будущего и управление маршрутом продвижения к нему.

Кризис будущего

Трансформация существующего в возможное и возможного в действительное ограничена оценкой вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое преобладает над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим несуществующее положение вещей. Сегодня мы живем в мире, неопределенность которого возрастает: чем больше действий совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым.

Обилие инструментов, разнообразие форм/методов организации сами по себе предполагают снижение надежности техносферы и рост неопределенности. Закономерности в перегруженной механизмами среде проявляются как статистический параметр, в технических и социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». А по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование практика раз за разом ставит перед лицами, принимающими решения, дьявольские альтернативы.

С усложнением контроля над ситуацией возрастают нагруз-

ки на интеллект, психику, физиологию; повышается роль креативности, способности *ad hoc* постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать душевное равновесие, быстроту реакций, интеллектуальный и творческий статус.

Homo sapiens может находить и принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных: будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди обладают способностью к операциям нестандартного свойства, спонтанным и продуктивным. Кроме того, анализируя обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к переменам в самих процессах принятия и реализации решений. Истина улавливается сквозь щели парадоксов.

Все же длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистической модели бытия, мы рассчитываем диапазон возможностей по прописям привычного культурного эталона. Человек стал частью управленческой механики: исполняя ту или иную функцию, он редуцирован — согласие играть роль объекта вело к обезличиванию и отчуждению. Как результат — в мире нарастающей мощи технических систем силы физического человека кажутся пошатнувшимися, возможности — ограниченными, обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие особых человеческих качеств, указывая при этом на альтернативы: протезирование недостающих свойств, эффективную методологию действий в условиях неопределенности, антропологическую революцию.

Антропологический императив

Миражи — не иллюзия, но искаженный расстоянием и климатом образ земель, расположенных по ту сторону горизонта.

Антропологический императив — империя постсовременного дискурса — проявляется в сдвиге от объективно механистических констатаций и политэкономических координат к рефлексии, учитывающей ментальный характер социообъектов и глубину субъективности, произвол человеческой природы. Человек-демиург, насельник творимой им же антропологической вселенной, способен проектировать и воплощать экзотические версии прогностического текста. И хотя сегодняшние «люди воздуха» — это не бывшие

Линдон Джонсон (на фото):

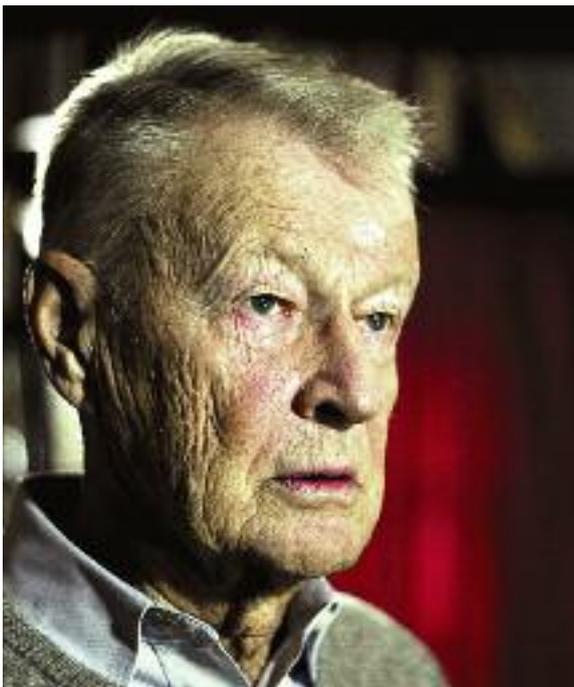
«Наша задача достичь примирения с Востоком — перейдя от узкой концепции сосуществования к более широкому подходу мирного сотрудничества».

пророки и поэты, не литераторы и риторы, генетическая связь прослеживается: случилось, именно визионеры и философы в не столь отдаленном прошлом поджигали социальные горизонты и пролагали политические маршруты.

На планете сложился влиятельный слой «людей воздуха». Сфера их активности — поиск, производство и реставрация смыслов, продуцирование идей, мемов, образов, операции с культурным капиталом, образованием, другими нематериальными ресурсами, генерирование управленческих, геополитических, геоэкономических, геокультурных замыслов, создание сложных и высоких технологий. В подвижной многослойной Ойкумене страста персон, обладающих доступом к самому совершенному в истории инструмента-

рию, реализует новый тип акций, включающих эффективные действия в ситуациях ползучей неопределенности.

Креативные энергии — питательная среда оппозиции: дискурс прозорливой власти перманентно трансцендирует среду обитания. Новое поколение четвертого сословия имеет дело преимущественно не с вербальными текстами, а непосредственно со сценариями практики. Критический класс в эпоху перемен и метафор становится гегемоном, сталкивая лоб в лоб антитеррор и личный суверенитет. Человек-предприятие (*manterpriser*) — господин воздуха — востребован в роли как конструктора, так и деструктора. Формируя общественную топографию, он прочерчивает горизонт театра действий, который можно охарактеризовать как власть без государства и госу-

Эскиз нового мироустройства набросал Збигнев Бжезинский (на фото), сформулировавший тезис о стратегической цели Запада: создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирующейся на трансформации политической культуры в направлении господства элиты, формирование региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран, образование сообщества ведущих государств мира.

дарство без территории. В подвижной среде изменяется ценность метафизических активов, взлетает стоимость аксиологических ориентиров, растет значение человеческих качеств.

Прежнее знание о мире оказалось недостаточно эффективным, порою обманчивым и едва ли не обременительным: слишком довлеет привычка думать о территориях и материальных объектах, нежели о людях и энергиях, о совершившемся, а не о находящемся в становлении. Сегодня интересен не столько факт, сколько тренд, востребовано искусство чтения, а не навыки произнесения слов. Антропосоциальные системы все чаще оказываются конкурентоспособнее публичных институтов. Мастер свободных искусств, амбициозный и компе-

тентный, действуя вне институциональных регламентов, может проектировать и провоцировать эффективно подрывающий прошлое акт.

Будучи по своей природе сверхсложными организмами, люди пребывают в транзитном состоянии. Побуждаемые желанием не просто жить, но действовать, они объединяются в молекулярные цепочки по принципу алхимической симпатии, кумулятивно соучаствуя в трансформационных замыслах и процедурах. Освобождение человека от многих обременений позволило штурмовать дальние рубежи, но за прорыв взимается плата — здесь возникает проблема не столько в налично-

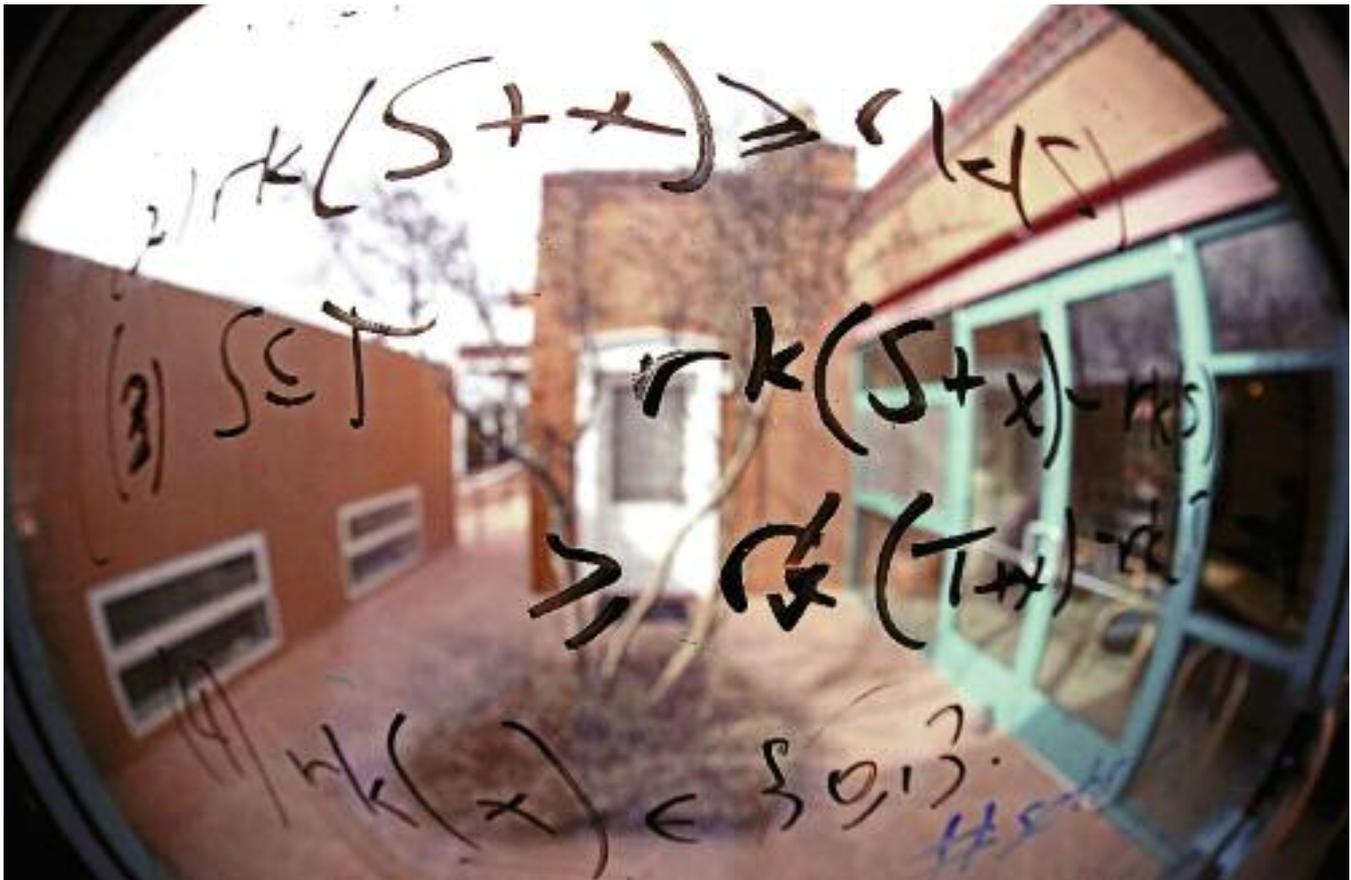
зонт, произвести реституцию оригинала. Образ благородства изначально запечатлен на челе Адама и его потомков, присущая человеку сумма совершенств — свет надежды в ночи: «Когда нет героев, все мы — лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти» (Бернард Маламуд).

Все-таки о главном в прогностике и практике — о трансформации личности — известно опасно мало. Проблема не в смущении ума, дело серьезнее — мы, кажется, на пороге кардинального изменения представлений о человеке.

Производство будущего

Наступивший век — транзит в новый эон. Время, подобно сжатой обстоятельством пружине, в критический момент было приведено в действие. Новый порядок — понятие, толкуемое на протяжении столетия различным образом, но сегодня борьба идет не по поводу данной констатации, а вокруг формул реализации.

Цивилизация запечатывает зло — точнее, его миражи, горизонты и дальние границы. Наше время — время транзита. Ялтинский/неоялтинский (хельсинкский) миропорядок, расчертив Европу на геополитические зоны, установил правила силовых игр, границы юрисдикции, владения и влияния, однако сегодня он поколеблен и отходит в прошлое. Речь идет не только о пересмотре политгеографии, но о свойствах новой реальности — динамичной, многоэтажной, окунувшейся в облака человеческой вселенной. Складывается впечатление, что грядущий эон — пестрый калейдоскоп, перманентно подвижная среда, что, конечно, является непривычным представлением о мироустройстве. Глобализация — продукт давних представлений, метафизи-

ческих обобщений, утопий. Сегодня это источник оригинальных социоконструктов, политэкономических технологий, культурных акций, нового типа личности.

Мондиализм – политическая ипостась глобализации – также имеет глубокие корни, хотя и сравнительно недолгую историю. Вместе с тем усложнение связей порождает конфликтные зоны, стартует новая регионализация, происходит расслоение, стратификация человечества по геоэкономическим ареалам и социальным этажам.

Стремительная конкуренция, национальная и транснациональная, неокорпоративных образований и слабоформализованных структур – это симптомы полифоничного общества, продуцирующего энергетику витального хаоса. На планете умножаются элементы постсовременного декора, но и реалии Модернити присутствуют на подмостках.

Местом профессионального изучения феномена сложности – физической, биологической, социальной, технической, семантической, математической – является американский Институт Санта-Фе, созданный в 1984 году специально для исследования этой проблематики.

Приметы диахронного столкновения с будущим наблюдаются как в новообразованных, так и в рожденных эпохой Просвещения институтах. Форсаж вселенской реконструкции, рост ставок в глобальном казино, метастазы мирового андеграунда – призраки и признаки неспокойного эона, во многом отличного от стандартных футурологических прогнозов.

Духи Модернити, постсовременности и неоархаизации, соприисутствуя в одном флаконе, инициируют разные цивилизационные программы. Актуальный дизайн глобальной дорожной карты можно охарактеризовать как динамичную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней –

сбалансированной и стационарной – системы международных отношений (*international relations*). Особенно если учесть делегирование национальными государствами компетенций сразу по нескольким направлениям – глобальному, региональному, субсидиарному, корпоративному, – а также общий рост числа и разнообразия взаимовлияющих событий.

Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует Большой социальный взрыв, способный расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников и агентов мультивекторной эрозии.

Триггером вселенского цунами может стать серьезное потрясение: террористическая

Высокоадаптивная система обладает энергичным потенциалом динамического хаоса, что и проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие по факту события могут приводить к радикальным изменениям или разрушениям. Простой пример – аморфная куча песка, которая рассыпается, после того как принимает очередную песчинку.

акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, универсальная пандемия.

Ускорение интеллектуальной и политической трансформации явилось во многом следствием нового – глобального – статуса человечества. Впервые в истории люди получили возможность уничтожения собственного рода.

Карибский кризис продемонстрировал реальность этой терминальной угрозы. Рост ядерных арсеналов в условиях биполярного противостояния заставил размышлять о путях и способах контроля над оружием массового поражения и перестройке мирового порядка.

Обсуждение проблемы проходило, в частности, во влия-

тельном Совете по международным отношениям, а практические шаги сделал Линдон Джонсон, заявивший осенью 1966 года о намерении приложить усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей – строительству моста между Западом и Востоком: «Наша задача достичь примирения с Востоком – перейдя от узкой концепции сосуществования к более широкому подходу мирного сотрудничества. <...> Мы хотим, чтобы Советский Союз и нации Восточной Европы знали, что мы и наши союзники будем вместе с ними продвигаться шаг за шагом настолько далеко, насколько они готовы идти. Итак, давайте вместе, американцы и европейцы, сконцентрируем, усилим, ускорим целенаправленные действия, чтобы убедиться, что, действуя подобным образом, а также многими иными способами, можно упрочить

связи между Востоком, Соединенными Штатами и другими нациями Атлантики». Фактически это и было инициацией политики разрядки. Вскоре последовали инициированная президентом поездка Макджорджа Банди – на тот момент президента Фонда Форда – по пяти европейским странам, включая СССР, и затем – встреча американского президента с советским премьером Алексеем Косыгиным (большой частью с глазу на глаз) летом 1967 года на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном – в местечке Глазборо.

Так было положено начало переговорному процессу по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, выстраиванию инфраструктуры взаимоотношений между двумя странами-системами. Следующая – но так и не состоявшаяся – встреча намечалась на август 1968 года. Тем не менее процесс был запущен.

Летом 1968 года Генеральной ассамблеей ООН был одобрен и открыт для подписания Договор о нераспространении ядерного оружия. В Хельсинки стартовали переговоры между СССР и США с целью ограничить взаимную ядерную гонку (1969), и вскоре был заключен Договор по ограничению стратегических вооружений (1972).

Видение невидимого

Интерес к теме деятельного прогнозирования возростал: Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование вопроса, а Белый дом и Совет по международным отношениям инициировали серию дискуссий по дальнейшей границе американской политики и мировой истории.

Были созданы переговорные площадки, учреждены меж-

дународные и национальные организации, занятые пасификацией, намечены контуры систем регионального и глобального контроля. Возникли неправительственные институты (Международный институт системного анализа, Римский клуб, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка, обсуждалась мировая динамика, происходила кадровая ротация, исследовалась глобальная проблематика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на активное представление будущего, что, конечно, влияло на механику новейшей истории.

Представление о гибкой трансформации миропорядка обрело форму плановой задачи, сформулированной в соответствии с общей теорией систем, но реализовывалось оно также посредством иных подходов, что, в свою очередь, вело к усложнению профессиональной рефлексии, ощутившей вкус междисциплинарности, долгосрочности, глобального гештальта. И одновременно развивалось нормативное прогнозирование, при котором вычерчивается карта проблемных зон, определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется пошаговое сближение с ним.

Нормативный подход меняет взгляд на будущее, которое рассматривается как последовательность возникающих проблем, а задача прогнозирования видится главным образом в их опознании и поиске путей разрешения.

Эскиз нового мироустройства набросал Збигнев Бжезинский, сформулировавший тезис о стратегической цели Запада:

♦ создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирую-

щейся на трансформации политической культуры в направлении господства элиты; ♦ формирование региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран, образование сообщества ведущих государств мира. В 1973 году создается Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон, в том числе ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. Летом того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Заключительный акт которого был подписан спустя два года. И в том же году возникает новый мировой регулирующий орган — G7 (на тот момент G6).

В 70–80-е годы выходят prognostические доклады Римскому клубу (начиная со знаменитых «Пределов роста»), определяющие проблемные поля будущего века. Международный валютный фонд и Всемирный банк разрабатывают и начинают применять на практике программы структурной адаптации / финансовой стабилизации, регулирующие финансово-экономическую политику в развивающихся странах и сыгравшие заметную роль в разрешении банковского кризиса на пороге 80-х.

Драматичные события рубежа 80-х и 90-х годов отразили общий кризис миропорядка, а крах СССР ознаменовал поражение футуризма коммунистической программы и финал формулы биполярности. Все это предопределило дебаты о глобальной революции и конце истории, понимаемом как торжество либеральных идей и североатлантического мира. Тем временем в глобальном казино обнаружилось другие влиятельные игроки — Китай, совокупность исламских стран. Возникли новые неурядицы, актуализировалась

тема конфликта культур и цивилизаций.

Реабилитированная история обрела затейливый маршрут.

Игры новых людей

Констатация глобальной трансформации за последнюю четверть века стала едва ли не тривиальностью, однако общие места утверждают контекст интеллектуальной активности, формируют категориальный язык.

Венчурность нелинейной грамматики распространяет логику казино-экономики, а ментальность инновационных менеджеров напоминает стиль опытных шахматистов, соединенный с психологией игроков в покер.

Растет число исследований, в которых анализируется трансгрессия цивилизации, толкуются перемены в политэкономическом и правовом устройстве, предлагаются концепты и рецепты, способные, по мнению авторов, интегрировать расфокусированное социальное зрение, прояснив маршрут истории.

В сфере внимания — изменение властных и хозяйственных механизмов, мутация социальных связей, происхождение экзотичных популяций, повестки элитарных и маргинальных групп, их конфигурации, иерархии.

Наряду с вниманием к феноменологии жизни на краю хаоса и альтернативным сценариям общежития интерес вызывают кризис ментальности и пути его преодоления, поиск методологии познания/действия в открывающихся неспокойных землях.

Генезис, статус, прогноз трансформации связаны с судьбой институтов и персонажей, создающих когнитивный инструментарий. Причем ответственность за результат — столь затруднительная в институциональных категориях — в усло-

виях транзита, то есть чрезвычайной заинтересованности, переходит на уровень конкретной личности, принимающей решение (*command authority*).

Востребованной оказалась и культурно-метафизическая основа практики — мировоззренческая позиция, позволяющая противостоять шоку перемен, мультикультурной эклектике, моральной дезориентации, интеллектуальной оторопи. Позиция, заняв которую можно пытаться преодолеть нищету растерянного сознания, постигая социальные горизонты и *high frontier* ментального измерения.

Проблему предела компетенций правящего слоя можно разрешить разными способами: понизив уровень системы, сменив состав управленческой элиты, влив свежую кровь или разработав и внедрив новые методы управления.

Многие привычные представления о социосфере — редукция положения вещей (ср. «понять — значит упростить»), а попытки прогнозирования при помощи футурологических лекал уязвимы и малоэффективны.

Человек расстается с «идеалом машины», преодолевая софизмы механистических прописей. Глобальное сообщество (социум) меняется, демонстрируя черты сверхсложной системы — такой, как работа мозга (человек) или погода (природа): постсовременное бытие сопряжено с риском предельных состояний и обвальных трансформаций.

Отсюда императив обновления политических акций и социальных конструкций.

Наверное, поэтому в политанализ проникают концепты хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекватные складывающемуся миру устройству.

Новый порядок на планете вырисовывается из фактического статуса, а не из исторического казуса, что требует иного уровня ориентации и повышает планку интеллектуальной логистики.

В XX веке происходит индустриализация науки, развивается ее прикладной, технологический аспект. Возникает феномен технонауки, который распространяется в сфере практики, обосновывается теоретически и получает статусное закрепление.

Складываются многочисленный научно-инженерный корпус и новый тип исследовательского заведения — военнопromышленная лаборатория (в России — КБ, «шарашки», закрытые города). Тип, продемонстрировавший эффективность и социальный потенциал.

В США процесс протекал в русле проектного подхода, примеры тому — Манхэттенский проект, впоследствии — проект «Аполлон». В Советском Союзе таким стержнем был атомно-космический проект, а социальной ипостасью — система Академии наук, затем — футуристический замысел академических городков. Фабрики мысли, работающие в сфере активного представления нефизических систем и структур, — во многом американское достижение: к рубежу 60-х и 70-х годов количество интеллектуальных предприятий в США — коммерческих и некоммерческих, правительственных, неправительственных, частных — исчислялось сотнями.

Когнитивная социогуманитарная индустрия связана с ситуационной аналитикой, прогнозированием, опознанием новизны, планированием внешней и внутренней политики, общественным мнением, деятельностью вооруженных сил, организацией бизнеса, социальными и ре-

гиональными инициативами, теорией исследования операций, системным анализом, высокими и сложными технологиями и т.д.

В проектно-аналитической работе послевоенного периода использовался опыт масштабных боевых/логистических операций, осуществленных на глобальном театре военных действий.

Фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций, — властный дискурс критического класса, механизм формулирования и утверждения его идей.

Аналитические предприятия сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов, чья предметная область — сдвиги в мироустройстве, геоэкономическое проектирование, моделирование мировых регулирующих органов.

Параллельно с развитием интеллектуальных предприятий отчасти деградирует принцип публичности обретаемого знания. Научные исследования, аналитическая работа нередко сопряжены с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Политическая и военная аналитика, как и венчурные разработки корпораций, тяготеет к секретности, «научной аморальности», специфическому неозотеризму, порой прямому сокрытию достижений, открытий и даже направлений исследований. Интеллект прагматизируется и капитализируется. В соответствии с заново прочитанными заветами неокантианцев философия преобразуется в методологию, знание — в технологию, результаты исследований — в товар. Мир движется от вещи к знаку, от семантики к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не фундаментальная наука, но технонаука и аналитика. Доминанта исследований не реальность *per se*, а ее практиче-

ские аппликации, о «реальности вообще» мы рассуждаем, дискурсируем.

Кроме того, создается характерный субпродукт – симулякр как виртуальная личина социального знания. За счет деформации образа реальности, асимметричной обработки данных – гипертрофии одних составляющих и подавления других – формируется система мифов и стереотипов.

Жизнь на краю хаоса

Во второй половине прошлого века накопился опыт работы над крупными и долгосрочными замыслами, связанными, в частности, с политическими, экономическими переменами, техническим и пространственным развитием, военными и космическими проектами.

Идеальная модель исследовательской корпорации состоит из четырех базовых элементов:

- ♦ суммы интеллектов – источника ключевой компетенции организации, ее «золотого ключика», то есть сотрудников, сведенных в персонализиро-

Федеральная резервная система США – при всех обременениях, возложенных на нее государством, – пожалуй, первое мощное постиндустриальное и фактически трансграничное предприятие XX века.

рованные исследовательские молекулы-ноогены;

- ♦ стратегического сценарирования, определяющего миссию и цель деятельности в рамках профессионального поля (научный совет);

- ♦ управления стратегией: ответственности за расстановку сил, использование средств, формат динамичной оргструктуры, этапы реализации планов, их результативность (директорат);

- ♦ комплексной логистики: управления внешними и внутренними ресурсами для обеспечения рабочего процесса и повышения авторитета/жизнеспособности организации (фонды, подбор кадров, материальные условия, социальный и символический капитал и т.п.).

На процесс создания нового знания влияет как изменение ситуации, так и усложнение

самого интеллектуального инструментария. Речь, в частности, идет о создании высоких гуманитарных/социальных технологий, основанных на новой рациональности, творческой реконструкции, негативной диалектике, синергичном мышлении, потоковых моделях социума.

Изменение взгляда на конституцию и закономерности социокосмоса напоминает ревизию свойств природы, произошедшую на заре прошлого столетия под влиянием теории относительности и постулатов квантовой механики.

Логика постсовременности не вполне совпадает с ментальностью современного человека, что, однако, не влечет отказ от рациональности. Скорее, пересматривается ее прежнее понимание. Открывшиеся в свое время закономерности микромира смущали и про-

Папа Франциск (на фото):

«Война уничтожает самое прекрасное создание Бога – она уничтожает человека. <...> Даже сегодня, после двух мировых войн, можно говорить о третьей войне, которая явлена нам в локальных конфликтах, массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях агрессоров и террористов».

должают смущать сознание, но теория квантовой механики вполне рациональна.

Антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация состязается с другой, следуя неизменным правилам игры.

Обретение длительного равновесия кажется сомнительным: планетарное сообщество все более напоминает перегретый водяной котел, приподняв крышку которого видишь диффузный мир – подвижный, быть может, слишком многолюдный и склонный к турбулентности.

Динамичное мироустройство вводит собственный шаблон

картографирования. Мир прочитывается не как совокупность объектов или формальных субъектов, но как сумма функций – взаимовлияющих и взаимодополняющих операций.

Дисциплинарное, формальное – то есть отчуждаемое – знание дополняется иными видами его организации. Например, трансдисциплинарным, синкретичным (синтезирующим принципиально неполную информацию), персонализированным (профессиональными мнениями, умениями, сноровкой), неотчуждаемыми от субъекта уникальными искусствами.

Сумма знаний – когнитивный гештальт постсовремен-

ного индивида – находится в становлении. Отчасти она кодифицирована и технологизирована, но иным образом, нежели прежний знаниевый корпус, то есть в соответствии с собственной логикой и мировидением.

Новый шаблон – тетраметрица универсального знания – описывает четыре формальных статуса:

- ◆ рациональный и отчуждаемый от создателя (формальное, дисциплинарное знание, наука);
- ◆ рациональный и неотчуждаемый (мастерство как персональное искусство оценки явлений и обстоятельств, экспертиза);
- ◆ нерациональный и отчуждаемый (объекты творчества, художественные артефакты);
- ◆ нерациональный и неотчуждаемый, манифестацией чего является субъект сам по себе.

Смысловый кризис ведет к модификации моделей мышле-

ния и формулированию начал новой рациональности. Следствие же аксиологического кризиса — изменение модуса социального поведения.

Контроль и управление в подвижном мире — езда на тигре, причем, несмотря на опытных дрессировщиков, общество не застраховано от спонтанных сюрпризов.

Понимание кодов практики эволюционировало в прошлом веке от прикладных комбинаций по формуле «средства — цель» к исследованию самого пространства операций.

Результатом стала разработка методологии масштабных акций, осознание системного принципа, специфики динамических систем и особенностей антропологических комплексов, появление критических технологий контроля/управления, освоение свойств сложных структур, подводя в итоге социальную мысль вплотную к метафизическому барьеру практики и ее синергичному прочтению.

Зыбкие границы теории хаососложности охватывали вначале лишь естественные науки. Однако примерно с 80-х годов, если не раньше, обретенные знания стали все чаще примерять к антропологическому космосу — военной деятельности, бизнесу, политике, социальным процессам. Дисциплинарные рамки толкуются при этом расширительно, а некоторые категории и лексемы употребляются метафорически и методологически, скорее ориентируя, нежели определяя.

Местом профессионального изучения феномена сложности — физической, биологической, социальной, технической, семантической, математической — является американский Институт Санта-Фе, созданный в 1984 году специально для исследования этой проблематики.

В научном багаже института идеи Андрея Колмогорова и Якова Синая, Бориса Белюсова и Анатолия Жаботинского, Ильи Пригожина и Алана Тьюринга, Рене Тома и Бенуа Мандельброта, Эдварда Лоренца и Митчелла Фейгенбаума, Николаса Метрополиса и Германа Хакена, Нормана Паккарда и Кристофера Лэнгтона, Мюррея Гелл-Манна и Пера Бака, а также многих других авторитетных исследователей нелинейности и самоорганизации.

Круг изучаемых проблем: теория хаоса, математические, генетические, языковые алгоритмы и закономерности работы сетей, междисциплинарные взаимодействия, системная биология, экофизика, моделирование поведения популяций, создание искусственной жизни и т.д.

Ситуации описываются такими категориями, как диссипативные структуры, кооперативные явления, периодические/непериодические последовательности, синергетические эффекты, автокаталитические процессы, спонтанные ремиссии, сечение фазового пространства, фрактал, бифуркация, аттрактор.

Предмет исследований — сложные структуры и ситуации, их внутреннее единство и особенности поведения. Динамика рассматривается как перманентный статус высокоадаптивной системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, генерируя хаос и новые формы организации. Примером может служить концепция самоорганизующейся критичности (*self-organized criticality*) — спонтанной эволюции систем к критическому состоянию, — сформулированная в русле новой рациональности: идей хаососложности, адаптивности, теории самоподдерживающегося развития.

Будущее как возможность

Высокоадаптивная система обладает энергичным потенциалом динамического хаоса, что и проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие по факту события могут приводить к радикальным изменениям или разрушениям. Простой пример — аморфная куча песка, которая рассыпается, после того как принимает очередную песчинку. При иных обстоятельствах — но уже при наличии в качестве объекта сложной системы — внешнее влияние способно стимулировать реструктуризацию и установление нового — более сложного — порядка.

Самоорганизующиеся комплексы естественным образом эволюционируют до критической — «роковой» — стадии, на которой определяется их судьба, когда незначительное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы и саму будущность системы.

Обвал, как и реконфигурация, происходит стремительно. Технологии, нацеленные на управление социальной мобильностью, претендуют на сознательное достижение подобных эффектов, их форсирование, использование критических состояний, а в перспективе — на продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации.

С приближением же к моменту истины (фазовому переходу) перед системой, словно витязем на распутье, возникают четыре альтернативы: откат от бифуркации — с удержанием прежнего состояния, инволюция (архаизация), деструкция, обретение более сложного порядка.

На пути к трем горизонтам система переживает хаотизацию организации, во время

Антуан Карон. Аллегория войны. XVI век

Фрэнк Хоффман:

«Вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические, – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно».

которой она максимально уязвима: полноценная трансформация – рождение нового порядка – невозможна без нарастания нестабильности. Проблема в малой предсказуемости событий и высоком уровне рисков, но «...кто хочет стать тем, кем он должен стать, должен перестать быть тем, кто он есть» (Майстер Экхарт).

Хотя методология самоорганизующейся критичности – это, скорее, исследовательская позиция, отдельные ее прописи технологизированы. Высокие социогуманитарные технологии нацелены на распоряжение объектами и событиями в мерцающей реальности, плохо контролируемой конвенциональными методами. Речь идет о методах мат-

ричного, рефлексивного, точечного, косвенного управления, других способах нетривиальных воздействий в условиях интенсивной новизны. В преобразовании постулатов новой дисциплины в технологии заинтересованы прежде всего те, которые связаны с проведением сложных операций, планированием акций с долгосрочным, отложенным эффектом, высоким уровнем рисков или с комбинаторикой противоречивых факторов. И те, которые объединены модным термином «кризис-менеджмент», имеющие дело с турбулентными экономическими или политическими процессами, разработчики и руководители комплексных военных, антитеррористических, культурологических операций. Комплексные модели уже не одно десятилетие используются в пространствах практики социальных, финансово-экономических, военных операций. Принципиальных различий тут нет, инвариант сюжета – требовательный реализм, присущий этим отраслям. Военные, стремясь быстро адаптироваться к угрозам и быть готовыми эффективно действовать в новых ситуациях, тестируют рецепты, прописанные гражданским. Высокие геоэкономические технологии инкорпорируют идеи управления кризисами и новые формы использования силы. Ну а «люди Санта-Фе» исследуют проблематику сложности и разрабатывают теоретическую часть критических технологий. Люди – переменные, способные к не слишком предсказуемой, спонтанной активности и вместе с тем – к продуманному долгосрочному замыслу. Критическое состояние общества, близкое к хаосу, – предвкусение революции. Акции в подобной среде носят венчурный, если не прямо авантюрный, характер. Ис-

кусство организации ситуаций и управления стохастическими массивами заключается в способности реализовать следующие действия:

- ◆ подвести систему к неравновесному состоянию;
- ◆ в нужное время и в соответствующем месте вбросить фактор, приводящий старый порядок к обвалу (хаотизация организации);
- ◆ создать аттрактор, структурирующий систему в желательном для оператора направлении.

Вот алгоритм шаблонного действия, связанный с методикой косвенного управления: в динамичной среде позиционируется «подсадная утка» – аттрактор, стягивающий своей гравитацией элементы, которые хотелось бы выявить, наблюдать и по мере возможности контролировать, направлять. Однако для выполнения этой задачи аттрактор должен инициировать/стимулировать соответствующую активность, действуя эффективно, если не эффективно, поскольку для сохранения позиции он должен являться авторитетом. Причем градус эффективности и/или эффективности измеряется по параметрам, присущим данному сообществу. Но что именно происходит при попытке установления контроля над динамичной констелляцией подобным образом? Наверное, для внешнего наблюдателя совокупность действий могла бы показаться гротескной реминисценцией на тему азефовщины. И порою с соответствующими последствиями...

Кардинальные изменения происходят в финансово-экономической сфере, наполненной миражами трансфинитной практики.

Корпорации новой элиты, действуя в условиях конкордата и конкуренции с элитой уходящей, выстраивают каркас штабной экономики, за-

Импульсы деструкции эпизодически возникали в прошлом, причем в различных обличьях. В минувшем столетии – на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом, производства, когда запылали костры экономически обоснованного, но социально нелепого уничтожения результатов человеческого труда. Позднее технологичная деструкция воплотилась в высокоиндустриальных войнах и гиперпотреблении.

дающей правила игры на планете. В фокусе оказывается высокотехнологичный Версаче: производство генеральной политики, ключевых решений, финансовых прописей, а также геоэкономических технологий, организующих практику в глобальном измерении и обеспечивающих устойчивый контроль и доход. Финансовые технологии по-

влияли на формулу денег, создав новые деньги, отличные от прежних. Старые были особыми вещами – слитками, монетами, затем векселями, облигациями, сертификатами, банкнотами, обеспеченными ликвидностью банка либо материальными активами государства. Но, к примеру, современная американская банкнота (наследник ценной бума-

Карл Раль. Прометей. Около 1865 года

Флюиды раскованного Прометея модифицируют среду, меняют траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества.

ги, однако с обратным процентом, то есть доходностью, перенаправляемой инфляцией с кредитора на эмитента) — чем обеспечена она? Ни сокровищами Форт-Нокса, ни собственностью США, да и вообще это не продукт американского казначейства. Обеспечена же она авторитетом и властью, востребованностью в

сфере текущих и отложенных операций, глобальной циркуляцией, универсальной ликвидностью, символическим и социальным капиталом, другими нематериальными активами, совокупной мощностью США и... Шестым американским флотом. Федеральная резервная система США — при всех обременениях, возложен-

ных на нее государством, — пожалуй, первое мощное постиндустриальное и фактически трансграничное предприятие XX века.

Или, к примеру, технология глобального долга. Ее суть можно понять, рассматривая эмиссию долговых обязательств как форму колонизации будущего — то есть как своеобразную капитализацию времени. Глобальный долг превращается в систему контроля над траекториями мирового дохода / ресурсных потоков и национальных систем потребления. А также в инфраструктуру квазирентных геоэкономических платежей. Или управление рисками. Горизонт данной технологии не только в страховании национальных, региональных, глобальных рисков и перспективе создания соответствующих мировых институтов, но также в искусстве управления кризисными ситуациями (то есть капитализацией альтернатив бытия). То же можно сказать о контурах глобальной налоговой системы, прообраз которой промелькнул еще в схеме Киотского протокола.

Особая тема — деструктивная параэкономика (включая трофейную), в рамках которой доход образуется за счет деконструкции, подчас высокотехнологичной, результатов человеческой деятельности.

Но высотная граница сюжета — обустройство математических территорий трансфинитной хрематистической практики как источника второго дыхания финансовой системы. Принципиальное значение имеет появление нелимитированного физическими барьерами распределенного множества платежеспособных виртуальных потребителей/производителей, подобно шредеру уничтожающих прежние ограничения и обязательства.

«Война уничтожает самое прекрасное создание Бога — она уничтожает человека. <...> Даже сегодня, после двух мировых войн, можно говорить о третьей войне, которая явлена нам в локальных конфликтах, массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях агрессоров и террористов» (папа Франциск). На пороге века появились организации для изучения комплексных процессов и сопряженных проблем военных операций, в частности Группа по изучению действий в условиях неопределенности, Центр по исследованию сложных операций при Пентагоне и Университете национальной обороны США. Уже лет двадцать постулаты нелинейной динамики взяты на вооружение Корпусом морских пехотинцев... Методы рефлексивного управления, а также иные инновационные воздействия были, к примеру, с успехом использованы при планировании и проведении военных акций на Ближнем Востоке. Кстати, если бы в свое время Сталин обладал хотя бы частью подобного инструментария, последствия венчурного мышления стратегических оппонентов СССР не застали бы страну врасплох. Последнее замечание связано с переоценкой роли «объективных» факторов, что ограничивает понимание природы венчурных операций и соответствующей ментальности. Это обстоятельство, к примеру, позволило Гитлеру не только достичь тактической внезапности, но еще и выиграть стратегически значимый отрезок времени из-за внушенной Сталину оценки старта восточной кампании как результата «заговора генералов» в Германии. Схожим образом в ходе операции «Щит пустыни» был спровоцирован отвод Саддамом Хусейном республиканской гвардии из Кувейта из-за навязан-

ного предположения о движении американского контингента непосредственно к Багдаду, то есть о персональной угрозе субъекту воздействия.

Операции, осуществленные в Афганистане, Ираке, других горячих точках, в определенном смысле и независимо от ввода/вывода контингента не имеют временной границы. Скорее, они вписываются в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, преследующей цели:

- ♦ поддержания высокой боеготовности войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;

- ♦ непосредственного контроля над ключевыми/критическими зонами, оперативного контроля над окружающей их средой, сохранения быстрого доступа в горячие точки;

- ♦ выстраивания синкретических коалиций, отлаживания устойчивой коммуникации и комплексного, динамичного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;

- ♦ апробации инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные, испытания новых видов техники и вооружений;

- ♦ использования частных военных корпораций, создания конъюнктурных оперативно-тактических союзов и венчурных, гибридных коалиций.

При этом прежняя стратегия сдерживания заменяется доктриной упреждающих ударов. В пределе, видимо, важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективной схемы управления в подвижной, децентрализованной среде.

«В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам» (Валерий Герасимов, начальник Генштаба Вооруженных сил России). Сегодня горячая тема — это гибридные, сетцентрические, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных армий, комбатантов, инсургентов, эскадронов смерти, разведывательных/интеллектуальных корпораций. «Вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны — традиционные, нерегулярные или террористические, — мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Фрэнк Хоффман). Другая актуальная паравоенная тема — экспансия террористического интернационала, культуры смерти и системного терроризма, активно использующего преимущества распределенной организации и сетевого управления (*Undernet*), что значительно повышает его адаптивность и эволюционные возможности. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая, для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований» (Евгений Месснер).

Актуальность преадаптации к динамичной реальности и ее негативным аспектам подтверждается возникающими на планете ситуациями. Сумма тестовых площадок новой реальности вполне может оказаться полигоном универсального конфликта — столкновения разнообразных венчурных инициатив и охранительных намерений. В результате появляется призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются культурами, сектами, орденами, политика пронизывается операциями политтехнологов, спецслужб и террористов, экономика все менее успешно конкурирует с хрематистикой, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез.

Мир-XXI рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато внезапным контрапунктом ожидаемого сюжета.

Постглобализм

История не завершилась в конце XX века, судя по всему, она просто меняет русло.

То, что мы наблюдаем сегодня, является большой паузой, смелой декорацией, симбиозом разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порой, как и всякая химера, весьма причудливого свойства.

Противоречивой и пока гипотетической перспективой обозначена одна из вероятных траекторий событий, ведущая к обрушению цивилизации, по крайней мере в привычном для нас смысле. Импульсы деструкции эпизодически возникали в прошлом, причем в различных обличьях. В минувшем столетии — на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом, производства, когда запылали костры экономически обоснованного, но

социально нелепого уничтожения результатов человеческого труда. Позднее технологичная деструкция воплотилась в высокоиндустриальных войнах и гиперпотреблении. Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных технологиями массового уничтожения. Завершение века было отмечено гекатомбами Камбоджи, Южного Судана, Великой африканской войной — массовой резней в регионе африканских Великих озер. А террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, становятся приметой времени, проводя акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Сегодня на планете имеются места, где градус страданий за последние десятилетия не понижался, а повышался, порождая тухлявую государственность, не способную, да и не стремящуюся обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря уже о случаях откровенного, свирепого геноцида. Проникая мысленным взором за пределы оптимистичной прогностики, приходится лицедреть не светлое будущее, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца.

Феномен нового терроризма — симптом глубоких перемен. Движущей силой постисторического процесса выступают малые динамичные общности, с пользой для себя впитавшие достижения индустриальной/проектной культуры XX века и приступившие к масштабной реконструкции, переинициализирующие смысловые пространства уходящего мира. В постсовременном космосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, совмещаются на путях к сфокусированной цели. Соборный персонаж социальной практики вглядывается в смутно различимые, если вообще видимые

для конвенционального зрения, конструкции, опознавая пути колонизации будущего. Здесь было бы уместно вспомнить многих провидцев, естественно, с определенными оговорками. «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку. <...> Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации <...> или создать таковую — с ее собственными законами, то есть контробщество» (Фернан Бродель). Нынешнее агентство перемен, действуя поверх общественных барьеров, пребывает в плаценте собственного социокосмоса. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, в гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие прежнее значение.

Пересекая горизонт

Культурный шок от столкновения с новой реальностью — шанс на радикальную терапию проблем, не решаемых в привычной системе координат. Разрушение цивилизационной оболочки происходит в результате либо деятельного разнообразия и непомерного спектра возможностей, либо культурной капитуляции и смыслового коллапса.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы, признанной целью являются комфорт, статус, безопасность, все, что укладывается в конструктивные, хотя и незатейливые, формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной карьеры может оказаться акт гибели, причем с последствиями, в сравнении с которыми гекатомбы прошлого показались бы осколками елочных игрушек. И порой это не пустая геростратова ам-

биция — темное дерзновение скреплено иными чувствами, не требующими ярмарочного признания.

Если общественная страсть, лежавшая в основании цивилизации, — бессознательное влечение к социальному творчеству, преодолению несовершенств естества, «симфонии для всех жителей планеты» — покинула тело цивилизации, если духи рынка превращают ее в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *per se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретает иные формы. Новая земля творится не ангелами, и сумерки творения исходят из очагов хаоса, глубин отчуждения, познанных человеком. Для человечества чувства гнева, боли, незащищенности не уникальны, порой они — удел стран и народов. Страданиями и горечью наполнены не только те или иные регионы Черной Африки или Большого Ближнего Востока, иные конфликтные территории, не контролируемые законной властью. «Золотые земли» различных пропорций возрождают во плоти память о пиратских республиках и гнездах ассасинов, из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния возникают анклавы помеченной трупными пятнами земли.

Лоно мрачной страсти — ярость глобальных фавел и бидонвелей, суммы нищеты и междоусобиц, презрения к достоинству человека, некогда познанному и признанному цивилизацией. Взрывчатая смесь экстремизма и нигилизма насыщается испарениями из метафизических областей, нетрадиционных практик и традиционных источников. Складывается порода людей, лишенных былой культурной идентификации, а бурлящая природа их страсти —

Ганс Бальдунг. Смерть и женщина. 1520 год

Культура смерти — выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне.

Идеи и сценарии укрощения бытия, проклянувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, претворяясь в организацию тотального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

заря мира, согласного воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения. Флюиды раскованного Прометея модифицируют среду, меняют траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломались. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, рая и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса.

Диффузные войны

В основе чреды нынешних драм — шарады и шифрограм-

мы истории, адекватное прочтение которых — добродетель правителей и долг экспертного сообщества. Мир испытывает давление высокомотивированных организованных организаций, использующих для достижения целей эффективные средства, созданные высокоиндустриальной цивилизацией. Их целеполагание напоминает русскую матрешку, а присутствие оригинального концептуального вектора оказывается важным обстоятельством, провоцирующим максимальные усилия вплоть до категорически отвергаемых прежним моральным кодексом акций. Возникает новый класс угроз. Борьба разворачивается не просто в политике или экономике, сфере финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и технологических решений — происходит столкновение интеллектов,

мировоззрений, стилей жизни и кодексов поведения, сопрягаемых в системе координат надвигающейся на мир культуры.

Наш мир не многополярен, он многомерен: мы обитаем в предместье призрачной постцивилизации — распределенном множестве терминалов освобожденного Франкенштейна. Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный *Undernet* — глобальный андеграунд, объединивший яростных обитателей человеческой вселенной. Эти динамичные конstellации активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов.

В условиях трансформации миропорядка, когда в ряде мест цивилизационный кодекс и родовые признаки государственности ослаблены, системы безопасности оказываются все менее действенными.

У нового терроризма свои специфические черты. Он учитывает взаимосвязанность мира,

системный характер протекающих процессов, представляющая соответствующую стратегию угроз. В феврале 2001 года в Бишкеке, на заседании международной исследовательской группы по урегулированию кризисов в Центральной Азии Консорциума военных академий и институтов, изучающих безопасность, при Центре имени Джорджа Маршалла автором была предложена к обсуждению концепция противодействия терроризму, наркотрафику, иным угрозам, основанная на гиперэкологических постулатах. Феноменология и логика системного терроризма сравнима с динамикой инфекционных заболеваний, поведением нежелательных, перманентно атакуемых популяций или алгоритмами виртуальных агентов наподобие компьютерных вирусов, червей, троянов. И купирование негативного явления основывается не столько на успехе военных операций («борьба с симптомами»), сколько на результате модификации среды обитания. Суть методологической схемы — отказ от пассивной идеологии, выражающейся в рефлекторной борьбе со следствиями, переход к политике преадаптации, разрушению социального потенциала анти-системы, ее финансовой стерилизации, «подрыву патогенной среды обитания», «созданию контрпопуляций», то есть к матричному прочтению контекста и динамичному контролю над ситуацией. Взрывоопасная смесь Глубокого Юга и Нового Севера приближается к точке вскипания, напоминая о мировоззрении, ввергающем адептов и последователей в нигилистические бездны, усматривающем в смерти главный смысл и основное деяние земного существования. Эта поэтика деструкции время от времени посылает в мир

перепоясанных смертью вестников.

Корпорация «Земля»

В прописях наступающей эпохи под флером категориального, лексического, но никак не феноменологического вакуума множатся подвижные организмованности, облачные структуры. Единицей цивилизационной идентичности становится, скорее, тип активности, нежели государство. Не менее энергично проявляется пространство глобального Юга — рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров — сотрудников и безработных «Корпорации “Земля”», добывающихся изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по нынешним правилам для них бессмысленно. Действуя так, они останутся вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в глобальном совете директоров. В пестром конгломерате социального прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть и сокрушить актуальную власть.

Магистериум сумеречного эона был со временем опознан: место, занимаемое ресурсом жизни, претендует занять ресурс смерти, заместив конструкцию деструкцией, желание обустроить жизнь — стремлением значимо реализовать смерть. В чертогах Крайнего Юга формируется зона глобальных пропорций, населенная миноритариями «Корпорации “Земля”», чей козырь и неотчуждаемый ресурс — поставленная на кон и эффективно разыгранная смерть. Сегодня этот актив — произвольная и переосмысленная смерть — высоколиквидный товар на глобальном рынке, по-своему эксплуатируе-

мый политэкономической мегамашиной. Потенциал продукта — предмет игры на повышение. Охранные механизмы Модернити были настроены на иной класс угроз, их мощь, ориентированная, скорее, на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит в песок. Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессией формализованных институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных субъектов, распыленных по городам и весям, эти системы неэффективны. Рождаются феномен диффузных войн, то есть происходит диффузия временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов проведения силовых акций и боевых действий.

Извлеченный из сундука Пандоры и высоко оцененный новым веком ресурс реализуется в комбинациях переходной эпохи не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ цивилизации смерти, элементы которой включаются в прописи властных игр.

Культура смерти

Культура смерти — выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне. Наиболее драматично — в эпидемии террористов-самоубийц.

Произвольная и осмысленная смерть — рычаг перемен не только в пользу Глубокого Юга. В лабиринтах Нового мира не один лишь униженный Юг разрабатывает мрачные штольни: запретный ре-

Святой Игнатий Антиохийский:

«Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти. <...> Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: “Приди ко Отцу”. Я не хочу больше жить этой земной жизнью».

сурс приспособливают для своих нужд разные персонажи мировой драмы.

Призывы к автоаннигиляции, мании коллективных убийств, эпидемии самоубийств порою охватывали людей, поведение которых начинало походило на исход леммингов. На заре прошлого столетия самоубийство было охарактеризовано как «акт свободы». Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. На «земляничных полянах» постсовременности ощутимо дыхание экофашизма — замыслов радикальной либо плавной депопуляции планеты в диапазоне от форм самооскопления до проектности биотерроризма. Дебаты о демографической проблематике, методах контроля рождаемости и путях сокращения избыточного населения сливаются с темами нищеты, ра-

дикализации, фрустрации, подводя к ревизии привычных ценностей цивилизации и культуры.

Радикальное мироположение предполагает не только разрешение форс-мажорных ситуаций, но также их форсирование, углубление, преумножение. В подобном контексте иначе прочитывается сентенция безумного философа: «Высший интерес к <...> восходящей жизни требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни» (Фридрих Ницше). Аналогию теме универсальной, тотальной смерти можно усмотреть в практической реализации замысла «оружия Судного дня». И если кто-то властный решается произнести: «Правил нет, они не существуют», — хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития — разрушенным.

Деструкция в той или иной форме присутствует в истории, будучи инкапсулирована в культурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции. Деструкция традиционно прочитывалась как асоциальное действие, а ее сублимация — как стержень обновления: деконструкции и реконструкции культуры. Культура смерти утверждает новую меру вещей, речь идет о культивации и легализации процедур, редуцирующего господствующее мировоззрение, подвергающих инфляции и дегуманизирующих привычную социальную ментальность.

«Зима уже близко!»

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония. Радикальное переосмысление структур повседневности, их ползучая модификация выворачивает наизнанку исторические замыслы, трансформируя целеполагание человечества.

Деспотизм обыденности скрывает агонию прежнего

порядка, цивилизация напoминает льдину, постепенно растворяющуюся в бурлящем житейском океане. «Если Бога нет» и «все позволено» — любой эксперимент в марксистском, ницшеанском либо фрейдистском духе, — то логическим концом истории станет антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. По мере снятия глубинных препонов на повестке дня оказывается идея устранения моральных границ — взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто.

Мысль о допустимости деструкции мира, населенного толпами зомби, ведет к легитимации планетарного жертвоприношения. Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической цивилизации смерти — неведомой прежде эпохи, когда смерть становится главным ценностно насыщенным, социально и культурно разработанным содержанием жизни. И уже не самоорганизующиеся очаги порядка, а спонтанные, необузданные всплески критичности будут определять треснувший земной ландшафт.

Идеи и сценарии укрощения бытия, проклюнувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, претворяясь в организацию тотального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное. Подобная диспозиция раздвигает смысловую ретроспективу, перетолковывая события XX века, истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа и холокоста, Дрездена и Хиросимы, Пол Пота и Руанды.

В логике социализированной деструкции прочитывается не-

что интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения, управляемая смерть воспринимается как апофеоз жизни. Путь истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть подавляет личность, подвергает изошренному геноциду классы, нации, расы, конфессии, профессиональные либо социальные страты, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над обыденностью и режимом.

Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность — под сомнением. Ситуация вскоре была перетолкована: умные головы не только отыскали новый вид оружия массового поражения, но обнаружили направление исторического творчества, реализующее потенциал периферии — связку отточенных скальпелей для хирургии грандиозных перемен.

У культуры смерти есть и более драматичный аспект, также отвергающий присущую современному человеку траекторию жизни. Но тут ситуация еще менее однозначна: «Я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь». Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, чье «тело в земле, а дух — на небесах».

И глубже, переходя в метафизические измерения: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти. <...> Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: “Приди ко Отцу”. Я не хочу больше жить

этой земной жизнью» (святой Игнатий Антиохийский). Здесь битва разворачивается уже в иной среде, участвуют в ней существа другой природы, равно отвергающие мир, но преследующие диаметрально противоположные, как противоположны любовь и ненависть, цели.

Идея корректировки истории жертвой — та ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, — в наши дни извратилась, обретя карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистическое мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицающее претензии социальных институтов на состоятельность тварного мира и само право на бытие. Так или иначе, но прежняя история завершается. Ее путеводные нити, выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводаемыми на язык повседневности, либо прочитываются иначе — произвольно, разноречиво. И толкуются *ad hoc*, то есть конъюнктурно. Письмена, возникающие на ткущихся и вновь распускаемых холстах, заметно отличаются от привычной языковой вязи, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невнятицу: «Мене, текел, фарес».

Не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Огненные руны — зарницы Нового мира — освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду Модернити. И хотя процесс грандиозной мутации в некоторых частях планеты еще не слишком заметен, в других местах он видится яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмовых зернах: скрученных в тугую пружину воздушных потоках — вестниках близких бурь и перемен. (P)